

В. В. Чарский

ХАРАКТЕР КАРПАТОРУСИНСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СТРУКТУРЕ ЮЖНОРУСИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Работа представлена кафедрой славянской филологии

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор К. В. Лифанов

В статье излагаются результаты лингвогенетического исследования русинского языка Сербии и Хорватии, в ходе которого его системные фонологические и морфологические черты впервые сопоставлены с карпаторусинскими и восточнословацкими эквивалентами их прародины - словацких регионов Шарш и Земплин, причем акцент сделан именно на оценке роли карпаторусинских говоров в южнорусинском генезисе.

Ключевые слова: русинский, Сербия, карпаторусинский, восточнословацкий, Шарит, Земплин.

The article introduces results of a genetic investigation of Ruthenian of Serbia and Croatia. For the first time systematic features of this idiom are compared to their equivalents in Carpatho-Ruthenian (their contribution is particularly examined) and Eastern Slovak dialects of Slovak regions Saris and Zemplin.

Key words: Ruthenian, Serbia, Carpatho-Ruthenian, Eastern Slovak, Saris, Zemplin.

Вопрос о характере карпаторусинских элементов в структуре южнорусинского языка* до сих пор остается дискуссионным. В то время как сторонники восточнословацкой версии происхождения этого идиома указывают исключительно на его восточнословацкие черты, их оппоненты продолжают настаивать на наличии весомого карпаторусинского (восточнославянского) компонента в структуре этого идиома.

Детальный сравнительный анализ южнорусинского языка и восточнословацких и карпаторусинских говоров матичного ареала (исторические словацкие области Шариш и Земплин) до сих пор не проводился. Предыдущие исследования зачастую строились на немногочисленных разрозненных данных, в том числе и по объективным причинам: из-за отсутствия или труднодоступное™ большого количества справочной литературы по южнорусинскому языку, восточнословацким и карпаторусинским говорам. О необходимости проведения подобного системного исследования отдельные авторитетные специалисты гово-

рили и ранее [5, с. 84; 10, с. 143], однако только в настоящее время появилась возможность осуществления подобной работы**.

Проведенное исследование, построенное на иной концептуальной основе, позволяет иначе оценить многие южнорусинские явления, традиционно трактуемые как восточнославянские или украинские. Этот подход предполагает учет некоторых принципиальных моментов: 1) принятие за начальную точку формирования южнорусинского идиома времени этого переселения, т. е. середину XVIII в.; 2) учет диалектных особенностей словацкой и карпаторусинской речи тех районов бывших комитатов Шариш и Земплин, откуда переселялись предки южных русинов на территорию нынешней Воеводины, а не особенностей украинского и словацкого литературных языков; 3) последовательное разграничение этногенеза и лингвогенеза; 4) удаление из сопоставительной базы поздних литературных украинизмов и русизмов***; 5) иная трактовка критерия релевантности/нерелевантности, согласно которой релевантным для

восточнославянских карпаторусинских говоров может считаться только то явление, которое не представлено на системном уровне в шаршских или земплинских восточнословацких говорах; б) отказ от оценки ситуации в духе противопоставления традиционных трех славянских ветвей, так как в восточнословацких диалектах присутствуют некоторые системные теоретически восточнославянские черты, а в карпаторусинских - теоретически западнославянские.

В результате применения этих установок оказалось, что в южнорусинском языке нет ни одного фонологического, морфологического, словообразовательного или синтаксического признака, который можно было бы однозначно квалифицировать как карпаторусинский. Многие явления, определяемые в ряде работ как «украинизмы», в действительности оказываются нерелевантными, т. е. в равной степени присущими и восточнословацким, и карпаторусинским говорам региона.

В качестве примеров подобных явлений можно привести рефлексы *ě>ĭ (юр. *бидни*, вслв. *bidni*, кр. *bidnyj* 'бедный'****; юр. *рика*, вслв. *rika*, кр. *rika* 'река'; юр. *шнѣ*, вслв. *ś(s)hix*, кр. *s(s)niĭx* 'снег'), *q>(i)a (юр. *мешай*, вслв. *me(ś/s)ac*, кр. *mi(s/s)ac* 'месяц'; юр. *вжац*, вслв. *v(z/z)ac*, кр. *(v)ziati* 'взять'; юр. *дзевяти*, вслв. *dzevati*, кр. *d'eviatyj* 'девятый') или *ǫ>o (юр. *тот*, вслв. земпл. *tot*, кр. *tot* 'тот'; юр. *мох*, вслв. *toх*, кр. *toх* 'мох'; юр. *писок*, вслв. земпл. *pisok*, кр. *pisok* 'песок'), а также формы прилагательных ед. ч. род. и дат. п. мужского и среднего рода с флексиями *-oho* и *-omu* (юр. *доброго / доброму*, вслв. земпл. *dobroho / dobromu*, кр. *dobroho / dobromu* 'хорошего / хорошему'; юр. *того / тому*, вслв. земпл. *who / tomu*, кр. *toho / tomu* 'того / тому').

Отдельные «системные украинские черты» [2, с. 251-253] при совокупном учете рефлексов и вовсе оказываются только восточнословацкими: напр., переход *e>o в позиции перед согласным (юр. *чоло*, вслв. *colo*, кр. *č(e/a)lo* 'лоб'; юр. *чолнок*, вслв.

čolnok, кр. *čajnok* 'деталь ткацкого станка'; юр. *жобрак*, вслв. *žobrak*, кр. *ž(e/o)brak* 'нищий') или формы дат. и предл. п. существительных женского рода с флексией *-a* в форме им. п. ед. ч. с основой на заднеязычный согласный (юр. *на руки*, вслв. тр. *na ruki*, кр. *na rus'i* 'на руке'; юр. *на ноги*, вслв. тр. *na nohi*, кр. *na noz 7* 'на ноге'; юр. *о мухи*, вслв. тр. *o tuxi*, кр. *o mus'i* 'о мухе').

Тем не менее южнорусинский язык содержит около 30 лексем и несколько фразеологических сочетаний, карпаторусинское происхождение которых более или менее вероятно.

Так, карпаторусинские рефлекс обнаруживаются в лексемах:

а) со значением родственных отношений: юр. *дидо*, вслв. *dzedo*, кр. *d'ido* 'дед' (рефлекс *ě>/ и отсутствие ассибиляции *d'> dz); юр. *мета*, вслв. *cetka*, кр. *tetka/teta* 'родная тетья' (отсутствие ассибиляции *t'>с); юр. *мачоха*, вслв. *macoxa*, кр. *mačoxa* 'мачеха' (рефлекс *tj>č);

б) связанных с сельским хозяйством: юр. *граблѣ*, вслв. *hrabe / hrapki / hrabl'icki*, кр. *hrabl'i* 'грабли' (наличие /'-epenteticum); юр. *меджа*, вслв. *medza*, кр. *media* 'межа' (рефлекс *dj>dž);

в) представляющих собой ботанические и зоологические наименования: юр. *черница*, вслв. *čarñica*, кр. *čerñic(a)* 'ежевика' (рефлекс слогового г> eg); юр. *медведжу* (наряду с *медведзов*), вслв. *med(z)vedzi*, кр. *medvedzjŭ* 'медвежий' (рефлекс *dj>dž); юр. *целячи* (наряду с *целяцов*), вслв. *cel'aci*, кр. *tel'ac'ĭj* 'телячий' (рефлекс *tj>č);

г) обозначающих сакральные понятия: юр. *чорт*, вслв. *čert*, кр. *čort* 'черт'.

Не исключено карпаторусинское происхождение некоторых прилагательных, которое также определяется по характерным именно для карпаторусинских эквивалентов рефлексам: юр. *ниев*, вслв. *l'evi/l'avi*, кр. *l'ivuj* 'левый' (рефлекс *ě>o); юр. *лИтну*, вслв. *l'etni*, кр. *l'itnyj* 'теплый (о воде)' (рефлекс *ě>/); юр. куц. *клусти I* юр. крст. *тлусти*, вслв. *tlusti*, кр. *klustpj* 'толстый' (специфи-

ческое изменение *|\>к перед рефлексом *1-слового).

Карпаторусинские рефлексы прослеживаются и в оформлении ряда глагольных инфинитивов *мочи* и *помочи*: юр. *мочи* / *помочи*, вслв. *(po)mosc*, кр. *(po)moci* 'мочь / помочь' (показатель инфинитива формант *-ċi*).

Возможно, к карпаторусинскому языку восходит и относительное местоимение *котри*, которое, однако, могло распространиться в говоре г. Куцуры и затем в литературном южнорусинском под влиянием литературного украинского варианта *котрий*****: юр. куц. *котри*, вслв. *xtori*, кр. *kotryċ* 'который'.

Падежные флексии, типичные для карпаторусинских эквивалентов, фиксируются в некоторых фразеологических сочетаниях: юр. *цалов драгое*, вслв. *calu drahu*, кр. шар. *calom drahom I* кр. земпл. *calou drahou* 'всю дорогу'; юр. *пойсц свойом драгом / пойсц свойов драгое*, вслв. *pojsc svoju drahu*, кр. шар. *pojsc svojom drahom I* кр. земпл. *pojsc svojou drahou* 'пойти своей дорогой'; юр. *до он*, вслв. *do oċox*, кр. *do oċ* 'в глаза'; а также в формах им. п. мн. ч. существительных *мац* 'мать' и *сушед* 'сосед': юр. *мацери*, вслв. *macege*, кр. *mater'i* 'матери'; юр. *сушеду* (а также *сушедзи* и *сушедове*), вслв. *.su(sV's) edzi*, кр. *sus'idu* 'соседи'.

Встречающиеся в работах А. Д. Дуличенко другие «реликты украинского происхождения» также, по всей видимости, содержат карпаторусинские рефлексы, хотя данное утверждение трудно доказуемо в силу отсутствия эквивалентов в восточнословацких и карпаторусинских говорах матичного ареала: юр. арх. *зноровиц ше*, вслв. и кр. вариантов не обнаружено 'взбрыкнуть (о коне)'.¹

Таким образом, отсутствие каких-либо системных карпаторусинских признаков и крайне незначительное число лексем, содержащих карпаторусинские рефлексы, которые представляют собой единичные отступления от общей восточнословацкой ситуации, говорит о том, что участие карпаторусинских говоров в формировании южно-

русинского идиома сводится к абсолютно-минимуму.

Наши лингвистические выводы подтверждаются и социолингвистическими и историческими сведениями. Большая часть переселенцев греко-католического вероисповедания прибывает в Бачку в 1740-1760-х гг. из юго-западного Земплина, округов Требишов и Сечовце, которые в XVIII-XIX вв., по имеющейся информации, были в основном за пределами карпаторусинской языковой территории [7, с. 171; 1, приложение; 13, с. 20-23]. Более того, в существующей по этой проблематике исторической литературе как очевидный факт представляется неоднородность в этническом и языковом плане греко-католической паствы на территории словацкого Подкарпатья, причем понятие *руснак* (самоназвание южных и карпатских русин) на протяжении веков применялось в этой части Карпат к представителям конфессий восточного обряда (греко-католической и православной) безотносительно их языковой принадлежности [14, с. 144-145; 12, с. 93; 3, с. 100-101]. Таким образом, среди предков южных русин, переселенцев-руснаков, могли находиться различные в языковом отношении группы, говорящие на восточнословацких (большинство переселенцев), так и на карпаторусинских говорах.

Говорящие на карпаторусинских диалектах переселенцы, прибывающие малочисленными и разрозненными группами как вместе с первыми переселенцами в Бачку, так и в XIX в. в Срем, в свою очередь, подвергались языковой ассимиляции, которой способствовал и более низкий социальный статус карпаторусинских диалектов по сравнению с восточнословацкими. Это подтверждают сохранившиеся документы, содержащие сведения о конфликтных ситуациях в Бачке, возникавших между разными языковыми и географическими группами переселенцев-униатов, говорящими на восточнословацких и карпаторусинских диалектах. Так, под давлением недружелюбно настроенных словацкоязычных

единоверцев группы русиноязычных переселенцев в 1850-60 гг. были даже вынуждены направляться в Срем и не селиться в Куцуре и Руском Крстуре [4, с. 18]. При этом подобные инциденты между словацкоязычными и русиноязычными группами населения неоднократно отмечались в различное время и в карпатском регионе, причем, как и в Бачке, их инициаторами были греко-католики, говорящие на восточнословацком диалекте [9, с. 197; 6, с. 91]. Соответственно, эти «карпаторусиноязычные» группы переселенцев вряд ли могли серьезным образом повлиять на вокабуляр более многочисленных и говорящих на более престижном восточнословацком диалекте соседей-

единоверцев, что полностью согласуется с теорией и практикой современной социолингвистики [15, с. 117].

Итак, сопоставительный анализ южнорусинского, восточнословацкого и карпаторусинского материала убедительно демонстрирует, что системные карпаторусинские элементы в южнорусинском языке отсутствуют, а вклад этих говоров в южнорусинский язык ограничивается небольшим количеством лексем с фонетическими карпаторусинскими чертами, считанными грамматическими формами и идиоматическими выражениями. Таким образом, карпаторусинские говоры в генетической структуре южнорусинского языка находятся на абсолютной периферии.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Южнорусинский язык (также бачванскорусинский или югославорусинский) — язык русин Бачки и Срема, исторических областей в составе Сербии и Хорватии.

** Полный список используемых диалектологических источников представлен в одной из наших предыдущих статей [11, с. 117].

*** В этой части работы мы полагались на результаты многолетнего изучения истории литературного южнорусинского языка самым крупным южнорусинским лингвистом Ю. Рамачем [8].

**** Южнорусинские примеры приводятся в орфографии, принятой в литературном языке, а восточнословацкие и карпаторусинские - в фонетической транскрипции. В статье используются следующие сокращения: вслв. - восточнословацкий, земпл. - земплинский, кр. - карпаторусинский, шар. - шариский, юр. - южнорусинский.

***** О возможном позднем украинском происхождении местоимения *котри* [Рамач 2002: 90].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геровский Г. А. Язык Подкарпатской Руси. М., 1995.
2. Дуличенко А. Д. Язык русин Сербии и Хорватии (Югославо-русинский язык) // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998. С. 247-272.
3. Дронов М. Ю. К вопросу об этнонациональной идентичности греко-католиков и православных Восточной Словакии в межвоенный период // Русские и словаки в XIX-XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы. М.; Йошкар-Ола, 2006. С. 100-107.
4. Жирош М. Бачванско-сримски Руснаци дома и у швецe 1745-1991. Т. I. Нови Сад, 1997.
5. Надь Г. Прилоги до историУ руского языка. Нови Сад, 1988.
6. Мельник В. М. Етногенез югославських русижв // Studia Ruthenica 2, 1990-1991. С. 85-103.
7. Петров А. Н. Пределы угрорусской речи в 1773 г. по официальным данным // Записки Историко-филологического факультета Императорского СПУ, 1911. С. 1-15, 23-37, 92-95, 169-172.
8. Рамач Ю. Граматика руского языка. Београд, 2002.
9. Селищев А. М. Славянское языковедение. Западнославянские языки. М., 1941.
10. Скорвид С. С. Рецензия на очерк А. Д. Дуличенко «Язык русин Сербии и Хорватии (Югославо-русинский язык)» // Малый диалектологический атлас балканских языков: Материалы четвертого рабочего совещания Института лингвистических исследований. СПб., 2000. С. 135-143.
11. Чарский В. В. Новая трактовка критерия релевантности / нерелевантности в линвогенезе южнорусинского языка // Вест. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 3. С. 111-117.
12. Швагровски Ш. Гу питаню генези и конституованя языка югославянских Руснацох // Studia Ruthenica 5 (18), 1996-1997. С. 88-102.
13. Magosci PR. VychodnH Slovania v Karpatoch. Bratislava, 2000.
14. Stole J. Slovenska dialektologia. Bratislava, 1994.
15. Thomason S. G., Kaufmann T. Language contact, creolization and genetic linguistics. Berkeley, 1988.